

Сложности со "сложностью"

Автор: Д. М. БОНДАРЕНКО

(Гетерархия, гомоархия и категориальные расхождения между социальной антропологией и синергетикой)

Суть различий

Категория "сложность" понимается по-разному в социальной антропологии (куда, в соответствии с западной традицией, включается археология) и синергетике. К настоящему времени последняя (именуемая в англоязычных странах *complexity studies*, чем подчеркивается особая значимость понятия "сложность" для этой дисциплины) утвердилась как чрезвычайно перспективная область исследования, охватывающая все многообразие явлений живой и неживой природы. Следовательно, социальным антропологам, для которых понятие "сложность" - столь же ключевое, сколь и для синергетиков, стоит обратить внимание на синергетические теории для обогащения своих подходов достижениями более широкой научной дисциплины.

В то же время следует сразу отметить принципиальную разницу в понимании феномена сложности и в содержании соответствующего понятия в социальной антропологии и синергетике. В антропологии со времен эволюционистов XIX в. устоялось его понимание как сложности структурной, возникновение которой разными учеными связывается с различными социально-экономическими, политическими, идеологическими, экологическими и прочими факторами. Иными словами, чем из большего числа компонентов -иерархических "уровней социально-политической интеграции" состоит общество, тем оно сложнее, независимо от того, как эти уровни (структурные компоненты целого) взаимодействуют друг с другом. В синергетике же сложность понимается как "устойчивое неравновесие".

Далее, в социальной антропологии "определение сложности начинается с коннотации, которая применима к механическим или биологическим системам в той же мере, что и к обществам: сложность - это относительная мера количества частей в системе и количества взаимосвязей между этими частями" [Sassaman, 2004, p. 231]. Данный подход проявляется в отношении не только отдельных обществ, но и их агломераций, таких как "мир", - система рассматривается антропологами как сложный феномен, в частности потому, что она состоит из значительного числа иерархически взаимосвязанных между собой обществ - центральных и периферийных. Для большинства антропологов, занимающихся проблемой общественной сложности, социокультурная история в ее всемирно-историческом измерении - история постоянного однонаправленного нарастания сложности от простых к среднесложным, сложным и, наконец, современным суперсложным обществам и их объединениям. Такое нарастание сопровождается усилением стабильности, понимаемой как способность обществ предотвращать перспективу свое-

Бондаренко Дмитрий Михайлович - доктор исторических наук, заведующий сектором культурной антропологии Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН.

го распада. "Изменение в направлении нарастания сложности протекает потому, что более сложная организация позволяет поддерживать в системе более высокий уровень внутренней стабильности" [Scott, 1989, p. 6]. Для синергетиков же угроза впадения в хаос не только неустранима и постоянна, но и степень сложности, как и стабильности, определяется вовсе не удаленностью от возможной точки распада или хаоса (и, конечно, не количеством структурных компонентов), но, наоборот, близостью к ней. Системы, которые отстоят от этой точки дальше, рассматриваются как менее сложные: "...на грани хаоса могут иметь место наиболее сложные виды поведения - достаточно упорядоченные, чтобы обеспечивать стабильность, и в то же время полные гибкости и неожиданности. Именно это и есть то, что мы понимаем под сложностью" [Kauffman, 1995, p. 87].

Гетерархия и гомоархия: пути решения проблемы с позиций социальной антропологии

Исследование вопроса о соотношении категорий социальной антропологии и синергетики целесообразно предварить терминологическим комментарием. В тексте как антитеза и одновременно дополнение к уже устоявшемуся в мировой антропологии понятию *гетерархия* - "взаимоотношение элементов, при котором они ранжированы или когда обладают потенциалом для того, чтобы быть ранжированными несколькими различными способами" - вводится термин *гомоархия*. Ее можно определить как "взаимоотношение элементов, при котором они жестко ранжированы единственным образом и не обладают (или обладают незначительным) потенциалом для того, чтобы стать неранжированными или ранжированными другим/другими способами, по крайней мере, без кардинального изменения всего общественно-политического устройства" [Web...]. С точки зрения социальной антропологии неверно утверждать, что гетерархия в сравнении с гомоархией заведомо предполагает более высокий уровень сложности общества, тогда как с позиций синергетики гетерархическая модель обладает большей сложностью, нежели гомоархическая: она не менее устойчива, но более неравновесна.

Итак, необходимая связь между социальной антропологией и синергетикой может быть установлена только в широком междисциплинарном контексте. Это сопряжено с серьезными методологическими трудностями, однако попытки преодолеть разрыв в понимании "сложности" между обществоведами и синергетиками уже были предприняты и первыми [Nonlinear... 2005; Бородкин, 2007], и вторыми [Bowles, Gintis, 1998; Shalizi, 1999]. В частности, возможность комплиментарности и, следовательно, теоретической значимости и для общественных наук, и для синергетики двух подходов к понятию "сложность" была продемонстрирована К. Л. Крамли. Она разработала собственную концепцию гетерархии, обозначающую "взаимоотношение элементов, при котором они неранжированы или когда они обладают потенциалом для того, чтобы быть ранжированными несколькими различными способами" [Crumley, 2005; Crumley, 1995, p. 3].

Далее, важно подчеркнуть, что использование социальной антропологией понятия *гомоархия* как антитезы и одновременно дополнения к термину *гетерархия* имеет смысл при условии, что первая не должна идентифицироваться с иерархией¹, а вторая - ассоциироваться с эгалитаризмом (подробнее см. [Бондаренко, 2006]). Иерархия есть атрибут любой социальной системы, и в то же время в любом обществе наличествуют как вертикальные, так и горизонтальные связи, так что имеет смысл вести речь о гомоархических и гетерархических обществах в целом. Даже у так называемых эгалитарных охотников-собирателей с присущими им этосом равенства и отсутствием четкой социальной стратификации (хадза, бирхор, удэгейцы, шошоны и др.) можно обнаружить минимальную общественную дифференциацию, то есть иерархии и неравенство, сочетается-

¹ Ассоциация, используемая для различения гетерархии и иерархии в кибернетике, применима и в связи с нашими задачами: "гетерархия - форма организации, напоминающая плетенку или рыболовную сеть", а "иерархия - форма организации, напоминающая пирамиду" [Web...].

мые с неформальным лидерством [Артемова, 2004, с. 190 - 196]. П. П. Швайцер обоснованно настаивает на необходимости "разложить общий ярлык "эгалитарности" на континуум реальных воплощений неравенства", добавляя, что сегодня "даже убежденные сторонники идеи о "первобытном коммунизме" соглашаются, что "полное равенство" не существует" [Schweitzer, 2000, p. 129]. На противоположном конце шкалы форм социально-политической организации даже такие общества, как "архаические государства", обычно воспринимаемые как социально немобильные и забюрократизированные (Древний Египет, Ур времени III династии, держава инков и т.д.), в действительности "были одновременно гетерархическими и иерархическими (гомоархическими)" [Marcus, Feinman, 1998, p. 11].

Формула "оптимального" соотношения в обществе гомо- и гетерархических черт была предложена Х. Бэрри: "Сочетание гомоархической стабильности с гетерархической свободой выбора" или "индивидуальная свобода и адаптивность гетерархического выбора в сочетании с предсказуемостью и устойчивостью гомоархических структур" [Barry, 2005, p. 3]. Из этого следует, что в политических системах сложных (в антропологическом смысле) обществ оптимум может достигаться посредством сочетания гомоархического подчинения низовых единиц стоящему над ними правительству с гетерархической избираемостью лидеров на местном уровне, а лучше - и на местном, и на общесоциальном уровне. Иногда вообще трудно охарактеризовать то или иное общество как гомо- или гетерархическое даже при самой общей оценке, как в ситуации с позднеантичными германцами и раннесредневековыми варварскими королевствами. В них, по крайней мере, поначалу монархия и достаточно жесткая социальная иерархия сосуществовали с демократическими институтами и процедурами (например, выборностью короля), которые были не менее значимыми для функционирования всей социально-политической системы [Barry, 2004, p. 9].

Итак, представляется невозможным измерить степень гомо- или гетерархичности в обществе с математической точностью, скажем, в процентах. Сугубо количественный подход здесь неприменим: наличие в обществе, например, четырех иерархий не означает, что оно менее гомоархично и более гетерархично по сравнению с обществом с пятью иерархиями, если в первом из них наличествует, а во втором отсутствует одна доминирующая иерархия. Путь к оценке социума как гетер- или гомоархического (в абсолютных ли, относительных ли категориях) пролегает через анализ его как целостности, как динамической системы социальных иерархий. И целью такого анализа в рамках теории систем должен быть не их подсчет, а понимание способа взаимосвязи.

Следовательно, вопрос, возникающий при исследовании конкретного общества под данным углом зрения, сводится к тому, жестко или нет ранжированы существующие в нем иерархии; оказываются ли некие два индивида (или группы людей) единообразно ранжированными по отношению друг к другу в любом социальном контексте или нет? К примеру, в образцово гетерархическом обществе пуштунов долины Сват человек мог занимать неодинаковое место в иерархиях трех пересекавшихся главных элементах социальной организации: территориальных делений, каст и патрилинейных родственных групп, дополнявшихся значительным количеством добровольных ассоциаций, основанных на соседстве, браке и свойстве, политическом и экономическом клиентелизме, и т.д. [Barth, 1959]. То есть, индивид X мог быть выше своего соплеменника Y в одном социальном контексте, но ниже или равным ему - в другом. Для сравнения, русский крепостной крестьянин ни при каких условиях не мог оказаться социально равным (тем более превосходящим) дворянина, как не может солдат быть выше офицера. Так что в теоретическом плане нельзя не согласиться с мнением Г. М. Фейнмана, что дискуссии антропологов "о спектре социальных механизмов, интегрирующих людей посредством и горизонтальных (более эгалитарных), и вертикальных (более иерархических) связей", требуют выхода на уровень сравнительных исследований, которые "должны помочь поместить эти разнообразные социальные приспособления в более широкий диахронный контекст" [Feinman, 1996, p. 189].

Не исключено, что когда-нибудь станет возможным создание шкалы социально-политических форм в соответствии со степенью интенсивности и способом взаимодействия в них гомоархических и гетерархических элементов. Это, безусловно, важная задача, однако в настоящий момент не найдено подходящих для такого шкалирования критериев (или их комбинаций), хотя резонно предположить, что они должны быть скорее качественными, нежели формальными, количественными. В любом случае, наша нынешняя цель гораздо скромнее и ограниченнее. Сейчас же можно утверждать, в частности, что деление обществ на гомо- и гетерархические (пусть и никоим образом не абсолютное жесткое) - постоянный факт социальной истории человечества, наблюдаемый на всех уровнях структурной сложности с ее самого начала и даже с предшествующего времени (его наблюдают даже в сообществах приматов, не относящихся к виду *Homo sapiens*, которые классифицируются как "деспотические" и "эгалитарные"). Деление в социальной антропологии простейших обществ - неспециализированных охотников и собирателей - на гомоархические и гетерархические отражено в понятиях "неэгалитарные" (например, австралийские аборигены) и "эгалитарные" (бушмены и др.) социумы. Одним словом, данная дихотомия, очевидно, уходит корнями в далекую преисторию человечества.

Итак, в противоположность и по сей день влиятельным однолинейным эволюционным схемам, гетерархические в своей основе общества никоим образом не являются *a priori* низшими по отношению к гомоархическим, а степень централизованности общественно-политических отношений не должна выступать критерием при определении общего уровня развития социума. Более того, по ходу истории общество может менять свою внутреннюю организацию с гомо- на гетерархическую или наоборот, нередко без изменения общего уровня социально-культурной сложности (см. [Kowalewski, 2000; Крадин, 2002; Коротаев, 2006]). Наконец, общества одного уровня сложности и организованные на основе одного и того же базового принципа могут принимать различные конкретные формы: альтернативность существует на уровне не только гомоархического и гетерархического типов, но и внутри каждого из них.

Все это позволяет надеяться, что идея гомоархии может стать полезной теоретической инновацией, дополняющей концептуальную идею гетерархии по версии Крамли, уже признанной многими (хотя и далеко не всеми) социальными антропологами. В частности, Р. Дж. Венке подчеркивает, ссылаясь именно на ее концепцию: "Важно осознать то, что не каждое исторически известное общество может быть помещено в какой-либо точке континуума между простой локальной группой охотников-собирателей и масштабами сложности... применимыми, например, к древней Месопотамии" [Wenke, 1999, p. 335]. Имеет смысл привести и другую цитату: "Важно, что гетерархия не рассматривается как нечто менее сложное, чем иерархия (гомоархия)... Гетерархия, таким образом, - полезная концепция для исследования действительных исторических траекторий социальной трансформации, поскольку она не подразумевает, что общества эволюционируют от простых к сложным" [Sassaman, 2004, p. 232]. Естественно, оба процитированных автора пишут о "сложности" в ее сугубо антропологическом понимании.

Далее, я считаю чрезвычайно важным и даже необходимым не ограничивать применение обоих понятий - *гетерархии* и *гомоархии* - исключительно изучением властных отношений, но использовать их в более широких рамках анализа социальных взаимосвязей и социальной структуры. При попытке характеристики общества как целого политическую систему следует рассматривать в качестве лишь одной из его подсистем, неотделимой от всех прочих, и, следовательно, обозначать данный социум, исходя из типа его общественной организации. Более того, в этом видится возможный ключ к пониманию (по крайней мере, в первом приближении) условий и предпосылок формирования тех или иных обществ как гомоархических или гетерархических. "Каждая подсистема общества характеризуется особой формой стратификации: прибыль и богатство - в экономической сфере; привилегии и власть - в политической системе; нравственные устои и сила личной веры - в религиозной и семейной жизни; и престиж и заслуги - в профессиональном мире" [Laumann, Siegel, Hodge, 1970, p. 589]. Следовательно, чем

крепче переплетены социальные подсистемы, тем менее специфичны и приложимы к отдельным сферам общественной жизни критерии социального ранжирования. Иначе говоря, чем более нерасчленимы подсистемы, тем выше вероятность того, что в одном социальном контексте индивиды или группы людей окажутся ранжированными так же, как и в другом, на основе некоей единственной ценности, пронизывающей и направляющей все неразрывно переплетенные сферы общества. В таком случае устанавливается гомоархический характер общественного строя. В этой связи предстает логичным тот факт, что среди архаических (в понимании К. Ясперса) структурно сложных обществ гомоархические социумы были распространены шире, чем гетерархические: именно в них, скрепленных "механической солидарностью" [Дюркгейм, 1991], реже наблюдается достаточно четкое разделение общественных сфер.

Чрезмерный акцент на административную систему приводит некоторых ученых к отождествлению отсутствия в обществе "короля" с отсутствием там каких-либо "иерархических черт" или же к отождествлению гетерархии с отсутствием автократии вследствие разделения власти между сувереном и коллективными органами (советы вождей и тайные союзы) [Mcintosh, 1999^a, p. 77; 1999^b, p. 9 - 16, 23]. Однако, во-первых, подлинная автократия в этом смысле - исключительно редкое явление в мировой истории. Во-вторых, истинная степень демократичности политической системы не зависит всецело от ее внешней формы (ср., например, США и СССР с их *de jure* демократическими системами политических институтов). И в-третьих, во многих случаях реальная демократичность или недемократичность политической системы может быть производной от соответствующего характера базовых социальных институтов. В доиндустриальных и современных западных обществах к ним прежде всего относятся семья и общины, тип которых, в свою очередь, связан (и может даже быть прямо обусловлен) с господствующим типом хозяйства (причем экстенсивное ручное земледелие в целом наиболее соответствует гомоархической большой семье).

Отсутствие автократии и явное наличие некоторых гетерархических черт не следует путать с демократией и воспринимать как признак невозможности общей гомоархичности социума. Например, когда Д. Пирцио-Бироли утверждает, что "в отличие от семьи античного Рима африканская семья является демократической общностью: патриарх во многом действует как представитель семейного совета на основе некоего консенсуса, который складывается на его заседаниях" [Пирцио-Бироли, 2001, с. 52], он в действительности имеет в виду исключительно отсутствие автократии. Однако большая семья недемократична уже хотя бы потому, что члены ее совета - главы составляющих ее малых семей - не избираются и даже не выбираются из некоторого числа претендентов, а признаются "естественным образом", аналогично тому, как они становятся главами своих малых семей.

Возвращаясь к концепции Крамли, легко заметить, что она настаивает именно на "добавлении термина гетерархия в словарь отношений **власти** (выделено мной. - Д. Б.)" и видит предпосылку гетерархической социально-политической организации в множественности источников власти [Crumley, 1995, p. 3; 2005, p. 36, 40 - 41]. Данный подход направлен на изучение непосредственно политической подсистемы общества, и, разрабатывая проблематику "гетерархического государства", Крамли в этом отношении не отличается от большинства более традиционно мыслящих современных теоретиков, которые "утверждают, что эволюция социальной сложности должна пониматься прежде всего как политический процесс" [Earle, 1994, p. 940]. В целом она также склонна видеть в государстве лишь специфическую форму политической организации, а не тип общества. Такое понимание государства, помноженное на общий взгляд на проблему гетерархии/негетерархии как имеющую отношение только к политической организации, приводит Крамли и ее последователей к необоснованному отождествлению гетерархии с демократическим политическим строем, что, на мой взгляд, понижает эвристический потенциал ее идеи. Демократию как политический режим, демонстрирующий "идеальное выражение властной *гетерархии*" [Crumley, 1995, p. 3; 2005, p. 46 - 47], не следует смешивать с гетерархией как социальной системой. В частности, социально гетерархи-

ческая модель древнегреческого полиса неизменно допускала существование не только демократических, но также аристократических и олигархических форм политической организации.

Более широкий взгляд на проблему гетерархии и гомоархии, связанную не только с формально-политическим строем общества, но и с типом его организации как целостности, в сочетании с ясным пониманием неверности противопоставления гетерархии и иерархии (ибо любой социум, включая гетерархический, содержит в себе множество иерархий; и принципиально важный момент - характер их взаимосвязи) позволяет должным образом оценить то обстоятельство, что за каждой иерархией в обществе стоит специфическая система ценностей. Социум можно считать гомоархическим, когда в нем утверждается одна ценность, центральная для всех существующих в нем иерархий, не только интегрирующая, но и ранжирующая пирамидальным образом все остальные, вторичные по отношению к ней, ценности и иерархии. В таких условиях эта ценность "охватывает" все остальные и делает общество "холистическим" [Dumont, 1980; 1986], то есть гомоархическим, когда целое, безусловно, доминирует над составляющими его частями как высшее выражение этой всеобъемлющей и всепроникающей ценности. Хотя взгляд Л. Дюмона на "ритуальную чистоту" как на ценность (идею), охватывающую холистическое общество в Индии и мире индуизма, ныне подвергается критике [Mosko, 1994^b; Quigley, 1999], значимость его теоретического вывода подтверждается, например, тоталитарными обществами XX в., где идея коммунизма явственно играла роль, сходную с ролью "ритуальной чистоты" в Индии. Можно привести и примеры архаических (по Ясперсу) обществ: в частности, Б. Рэй утверждает, что в явственно гомоархической доколониальной Буганде охватывающее "величие института кабака (верховного правителя. - Д. Б.) было искусственно создано, а не родилось само собой. Институт кабака... был культурным творением, а не просто политическим продуктом" [Ray, 1991, p. 206]². Согласно обобщению Я. Вансина, "королевства Тропической Африки... являлись продуктами идеологии более чем любой другой силы... Королевства Тропической Африки действительно сначала были созданы в умах и укоренены в вере" [Vansina, 1992, p. 21, 24]. Впрочем, даже в простых социумах гомоархизация могла произойти благодаря выдвиганию на передний план идеологии, основанной на охватывающей идее фундаментального деления всех их членов на тех, кто имеет и не имеет доступ к эзотерическим знаниям и право осуществлять связанную с ними деятельность, в том числе управленческую [Artemova, 2003].

Однако "охватывание" не всегда коренится непосредственно в области идей и ценностей; оно вполне может возникнуть в результате религиозно-идеологической концептуализации уже существующих социально-политических реалий, как это произошло в Полинезии с идеей "конического клана" (*рэмиджа*), в соответствии с которой генеалогическое расстояние от старшей родственной линии стало единственно значимым критерием социальной стратификации. В данном случае следует отметить, что среди теоретиков "вождества" (наиболее известного, а во многих концепциях единственного возможного типа гомоархического общества со средним уровнем социокультурной сложности) проблема изначального и даже сущностного приоритета идеологического или социально-политического фактора в "охватывании" всех иерархий соответствующего социума все еще весьма далека от своего решения. Она остается "полем битвы" для антропологов и археологов, представляющих различные теоретические лагеря [Carneiro, 2002].

В любом случае, в противоположность холистическим (гомоархическим) социумам в условиях "множественности" иерархических или асимметричных, оппозиций, ни одна из которых не сводима ни к одной другой или единой всеподчиняющей оппозиции или идее,

² Анализ под тем же углом зрения "королевства" Экие на юге современной Демократической Республики Конго см. [The African... 1987, p. 91 - 99].

ситуация немедленно отклоняется от формулировки Дюмона" [Mosko, 1994^a, p. 214]. То есть не подходит под гомоархическую (иерархическую в его понимании) модель.

Для преимущественно гетерархического социума характерна позитивная оценка роли индивидуализма в его интеллектуальной и социальной жизни, "сфокусированной на *ego* социальной системы" [White, 1995]. Это связано с установленными таким обществом акцентами на личные честь и достоинство, важность общественного мнения, высокую степень социальной мобильности и, по крайней мере, количественное превалирование достигнутых статусов над изначально predetermined. Как правило, больше гетерархических черт и элементов можно наблюдать в обществах, где непосредственные межличностные отношения имеют первостепенное или, как минимум, не меньшее в сравнении с деперсонализированными, формализованными связями значение. Это характерно не только для парадигматических примеров гетерархических социумов (древние полис и цивитас, страны Запада с эпохи Возрождения). Многие другие культуры, пусть менее изученные, но весьма важные для антропологического теоретизирования - "эгалитарные" охотники и собиратели, "акефальные сложные общества" горных районов Гималаев и Кавказа, племенные объединения Евразии, Африки, Северной и Южной Америки, - демонстрируют аналогичную картину. Примечательно, что воспитание и социализация детей, ориентированные на привитие им ценностей, противоположных гомоархии (склонность к подчинению вышестоящим, зависимость от родственников вместо опоры на собственные силы), характерны именно для больших семей [Whiting, Childe, 1953].

Перспективы решения проблемы

Итак, теоретико-методологический разрыв в подходе к феномену, а следовательно, и к понятию "сложности" между социальной антропологией и синергетикой не только не исчезает, но, напротив, ярко проявляется в связи с проблемой гомо- и гетерархической форм общественной организации. Исходя из положений, принятых в социальной антропологии, ни гетерархия, ни гомоархия не должны рассматриваться как предопределяющие *a priori* более высокий уровень сложности, тогда как с позиций синергетики вывод должен быть иным. Сравнивая с точки зрения преимуществ и недостатков гетерархии с "иерархией" (в общем соответствующей гомоархии), Крамли, например, утверждает, что при последней существует "четкая цепочка принятия решений", "политические взаимодействия немногочисленны и формализованы", а "уровень политической поддержки системы низок", в то время как при гетерархии наблюдается обратная ситуация [Crumley, 2005, p. 43 - 44]. В категориях синергетики это означает, что гетерархическая социально-политическая модель сложнее гомоархической: она не менее устойчива, но ей присуща более высокая степень неравновесности. Симптоматично, что археологи Т. Паукетат и Т. Эмерсон, в противоположность традиционному для социальной антропологии отождествлению уровня сложности со степенью иерархичности, постулируют, что гетерархические общества сложнее "иерархических" (то есть социумов, называемых ими "гомоархическими"), так как "иерархизация" ведет к упрощению многих сложных подсистем и сфер жизни общества [Pauketat, Emerson, 2007]. Однако судьбы реальных, исторически известных, гомо- и гетерархических обществ весьма различны вследствие действия огромного количества разнообразных причин, в своей совокупности специфических для каждого конкретного случая.

В этой связи можно с известной долей уверенности допустить, что уже в скором времени антропологи смогут "ассимилировать" синергетическую теорию в рамках своей научной дисциплины и модифицировать свой подход к феномену социально-культурной сложности. Как представляется, речь не должна идти об отрицании ее понимания, устоявшегося в социальной антропологии. Я полагаю, что заимствование определения, выработанного в синергетике, может привести к диверсификации антропологического подхода, поспособствовав разработке внутренней шкалы сложности - для социумов каждого уровня социокультурной интеграции, в рамках более широкой общей шкалы

уровней структурной сложности. После ее создания антропологи, возможно, получают основания утверждать, что, например, гетерархические государства внутренне организованы сложнее гомоархических, находясь при этом на одном с ними уровне общей социокультурной сложности. В то же время проблема неполной совместимости базовых подходов и понятий социальной антропологии и синергетики, не преодолимая в метафизическом смысле, но очевидная на данном этапе развития обеих дисциплин, безусловно, продолжает существовать. В рамках первой из них традиционно доминирует глобальный (компаративный) аспект - вопрос об общем уровне социокультурной сложности, тогда как в рамках второй он оказывается в целом малозначимым. Внимание ученых сосредоточивается на внутренней организации объектов исследования, на устойчивом неравновесии составляющих данные системы компонентов и на способах поддержания их в этом состоянии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемьев О. Ю.* Охотники/собиратели и теория первобытности. М., 2004.
- Бондаренко Д. М.* Гомоархия как принцип социально-политической организации (постановка проблемы и введение понятия) // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006.
- Бородкин Л. И.* Синергетика и история: моделирование исторических процессов // История и математика: анализ и моделирование социально-исторических процессов. М., 2007.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда // *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
- Коротяев А. В.* Социальная история Йемена, X в. до н.э. - XX в.: вождества и племена страны Хашид и Бакил. М., 2006.
- Крадин Н. Н.* Хунну (200 г. до н.э. - 48 г.) // Цивилизационные модели политогенеза. М., 2002.
- Пирцио-Буроли Д.* Культурная антропология Тропической Африки. М., 2001.
- The African Frontier. The Reproduction of Traditional African Societies.* Bloomington, 1987.
- Artemova O.Yu.* Monopolization of Knowledge, Social Inequality, and Female Status: A Cross-Cultural Study // Cross-Cultural Research. 2003. Vol. 37.
- Barry H., III.* Heterarchical or Homoarchical Leadership and Kinship in Communities // Third International Conference "Hierarchy and Power in the History of Civilizations". Abstracts. Moscow, 2004.
- Barry H., III.* Social Behaviors Associated with Hereditary Community Leadership // Social Evolution and History. 2005. Vol. 4.
- Barth F.* Political Leadership among Swat Pathans. London, 1959.
- Bowles S., Gintis H.* The Moral Economy of Communities: Structured Populations and the Evolution of Pro-Social Norms // Evolution and Human Behavior. 1998. Vol. 19.
- Carneiro R.L.* Was the Chiefdom a Congelation of Ideas? // Social Evolution and History. 2002. Vol. 1.
- Crumley C.L.* Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. Washington, 1995.
- Crumley C.L.* Remember How to Organize: Heterarcy Across Disciplines // Nonlinear Models for Archaeology and Anthropology: Continuing the Revolution. Aldershot, 2005.
- Dumont L.* Essays on Individualism: Modern Ideology in Anthropological Perspective. Chicago, 1986.
- Dumont L.* Homo Hierarchicus: The Caste System and Its Implications. Chicago, 1980.
- Earle T.K.* Political Domination and Social Evolution // Companion Encyclopedia of Anthropology. London, 1994.
- Feinman G.M.* Chiefdoms and Nonindustrial States // Encyclopedia of Cultural Anthropology. New York, 1996.
- Kauffman S.* At Home in the Universe. The Search for Laws of Self-Organization and Complexity. New York, 1995.
- Kowalewski S.A.* Cyclical Transformations in North American Prehistory // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok, 2000.
- Laumann E.O., Siegel P.M., Hodge R.W.* The Consequences of Stratification // The Logic of Social Hierarchies. Chicago, 1970.
- Marcus J., Feinman G.M.* Introduction // Archaic States. Santa Fe, 1998.

- Mcintosh S.K.* Modeling Political Organization in Large-Scale Settlement Clusters: A Case Study from the Inland Niger Delta // *Beyond Chiefdoms. Pathways to Complexity in Africa.* Cambridge, 1999^a.
- Mcintosh S.K.* Pathways to Complexity: An African Perspective // *Beyond Chiefdoms. Pathways to Complexity in Africa.* Cambridge, 1999^b.
- Mosko M.S.* Junior Chiefs and Senior Sorcerers: The Contradictions and Inversions of Mekeo Hierarchy // *History and Anthropology.* 1994^a. Vol. 7.
- Mosko M.S.* Transformations of Dumont: The Hierarchical, the Sacred, and the Profane in India and Ancient Hawaii // *History and Anthropology.* 1994^b. Vol. 7.
- Nonlinear Models for Archaeology and Anthropology: Continuing the Revolution. Aldershot, 2005.
- Pauketat T.R., Emerson T.E.* Alternative Civilizations: Heterarchies, Corporate Politics, and Orthodoxies // *Hierarchy and Power in the History of Civilizations (Third International Conference, Moscow, 2004). Selected Papers.* Moscow, 2007.
- Quigley D.* The Interpretation of Caste. New Delhi, 1999.
- Ray B.C.* Myth, Ritual, and Kingship in Buganda. New York, 1991.
- Sassaman K.E.* Complex Hunter-Gatherers in Evolution and History: A North American Perspective // *Journal of Archaeological Research.* 2004. Vol. 12.
- Schweitzer P.P.* Hierarchy and Equality among Hunter-Gatherers of the North Pacific Rim: Toward a Structural History of Social Organization // *Alternatives of Social Evolution.* Vladivostok, 2000.
- Scott J.P.* The Evolution of Social Systems. New York, 1989.
- Shalizi C.R.* Homo Reciprocans: Political Economy and Cultural Evolution // *Santa Fe Institute Bulletin.* 1999. Vol. 14.
- Vansina J.* Kings in Tropical Africa // *Kings of Africa. Art and Authority in Central Africa.* Maastricht, 1992.
- Web Dictionary of Cybernetics and Systems // <http://pespmcl.vub.ac.be/ASC>.
- Wenke R.J.* Patterns in Prehistory. Humankind's First Three Million Years. New York, 1999.
- White J.C.* Incorporating Heterarchy into Theory on Socio-Political Development: The Case from Southeast Asia // *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies.* Washington, 1995.
- Whiting J.W.M., Childe J.* Child Training and Personality: A Cross-Cultural Study. New Haven, 1953.